

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: На курорте (отрывок из повести «Солдатские приколы»)

— Сержант Маслов. Зенитно-ракетные войска. Ушиб головы. Перелом двух рёбер. Закрытый перелом верхней левой конечности, — читал бесстрастный голос. — У самого у тебя конечности, а у меня руки, — промелькнуло в мозгу. Что нахожусь в госпитале, сообразить было несложно. Я медленно открыл глаза.

То, что предстало перед моим взором, никакому описанию не поддаётся. Две огромные, ослепительно белые женские груди вызывающе болтались прямо перед лицом. Полненькая девушка в голубом халатике, по-видимому, медсестра, склонившись, поправляла мою подушку. И без того невообразимых размеров декольте, благодаря позе, в которой стояла девушка, открывало захватывающую панораму. — Во! Смотрите! Не успел очухаться, а уже морда красная. Такие не умирают, — радостно закричал чей-то бас. Девушка резко выпрямилась. Я осмотрелся. Вокруг кровати стояло несколько людей в халатах. Басил низенький толстяк в голубой шапочке, очень похожий на нашего зам по тылу.

— Анжела! Ты у меня лучше любой терапии, — заржал он и повернулся к стоящему рядом серьёзному мужчине в очках: — Как, ты сказал, его фамилия? — Сержант Маслов Алексей Александрович, — прочитал очкастый, заглядывая в папку. — А! Это тот самый, что доярок в бане мял? Ну, девки держитесь. Погибель вашу к нам в госпиталь привезли! — опять заржал толстяк. Все заулыбались. Врачи, ещё немного покрутившись, друг за другом вышли из палаты. Очкастый наговорил много. Необходимо было осознать всё это. Так. Левая рука в гипсе. Голова перевязана. В груди колет сильно, но никаких бинтов нет.

— Давай знакомиться. Меня Костей зовут, — прервал мои размышления, подсевший к кровати стриженный паренёк в больничной пижаме. Правая рука у него была подвешена перпендикулярно телу. — Когда меня сюда привезли? — перевёл я на него взгляд. — Ночью на каталке притащили. Слушай! А ты — тот самый Маслов? — Какой, тот самый? — Ну, который в бане... , — глаза его загорелись. — Начинается! — я здоровой рукой натянул одеяло на голову. — Подумаешь! Ну и хрен с тобой, — обиделся Костя. — Да ладно. Просто надоели уже, — мне самому хотелось продолжить разговор. Мой новый знакомый, встретив свежего слушателя, болтал без умолку. Он тут же объяснил, что находимся мы в травматологическом отделении центрального госпиталя первой армии ПВО. Только что закончился утренний обход. Низенький толстяк, похожий на нашего зам по тылу, — заведующий отделением. Тот очкастый — наш лечащий доктор. Быстро рассказал про остальных врачей.

— А эта, что подушку мне поправляла? — продолжал я осваиваться на новом месте. — Анжелка-то. Медсестра. Стерва, каких свет не видел. Но сиськи у неё, конечно, отпад. Это же она, зараза, специально такой вырез на халате носит, чтобы нас позлить. Подожди. Сейчас припрётся с иглками, сам увидишь, — не успел договорить Костя, как в палату вошла медсестра: — Мальчики! Готовим попки. Уколычки пора делать. Мой новый знакомый вздохнул и поплёлся к своей кровати. — Ой! Зачем же так грубо? — вскрикнул я, когда настала моя очередь. — А ты что? Только в бане герой? — злорадно заулыбалась Анжела, убирая шприц. — Ну, что видел? Вылитая садистка, — опять подсел ко мне Костя, когда она вышла.

Осваиваться на новом месте оказалось просто. Молва о том случае на ферме докатилась и сюда. Это вызывало массу хлопот, но, как и всё в этой жизни, имело и свои преимущества. Я

сразу же почувствовал уважение со стороны своих товарищей по несчастью, хотя ничего не успел совершить. В палате нас лежало четверо. Народ здесь не делился на стариков или молодых, на рядовых или сержантов. Имелись лишь два звания: лежащие и ходячие. Мой новый знакомый был ходячим, хотя и вертолётчиком. Вертолётчиками называли тех, у кого из-за сломанной ключицы рука подвешивалась на подставке перпендикулярно телу. При поворотах она описывала дугу, как пропеллер вертолётки. Отсюда и название. Вторым и последним ходячим в нашей палате был маленький связист. У него висели на подставках обе руки, отчего он считался двухпропеллерным вертолётчиком. Стоило ему только выйти в коридор, как там начинался какой-то шум. Костя выскакивал из палаты тут же. Причину этого я узнал позже. Просто раненые солдаты так развлекались.

Скучной больничную жизнь назвать было никак нельзя. В этом мне пришлось убедиться довольно скоро. Последним у окна лежал здоровенный грузин с задранной к потолку ногой. Чем бы ни занимался Костя, но через каждые полчаса он заботливо подходил к его кровати: — Кацо! Может, попить хочешь? Любые, даже самые бурные, протесты грузина не действовали. Лишь влив тому в рот очередной стакан, вертолётчик оставлял его в покое. В конце концов, наступал момент, когда Кацо, зашевелившись и выпучив глаза, вдруг начинал орать во всю глотку. — Сестра! Сестра! — звал он, пока в палату не вбегала Анжела. — Сестра! Скорее! Утка! Полный х... й вода!

Самое смешное заключалось в том, что несчастный парень был искренне убеждён, что эта интимная часть мужского организма имеет именно такое вполне литературное, по его мнению, название. Костя в порыве веселья размахивал своим вертолётком так, что шевелились занавески на окнах. Продолжалось это постоянно днём и ночью. Через неделю наша заботливая сестричка истыкала иголками заднюю часть моего тела так, что на спине лежать было невозможно. Но тут мне разрешили подняться. И хотя ещё болело в груди, но я стал ходячим. Костя сразу же пригласил меня на концерт, заодно обещая познакомиться с жителями других палат.

Труднее всех больничная жизнь давалась нашему двухпропеллерному вертолётчику. Обе его руки были закованы в гипсе, и самостоятельно обслуживать себя он не мог. Кормила больного Анжела с ложечки. Но самое ужасное для несчастного парня наступало, когда ему нужно было в туалет. Стеснительный по натуре молоденький парнишка уже заранее начинал краснеть и не находил себе места. Любая его попытка незаметно выскользнуть из палаты, моментально обнаруживалась Костей. Однопропеллерный вертолётчик тут же начинал колотить в стену ногой, давая сигнал соседям, и выскакивал следом. За идущей Анжелой с больным выстраивалась живописнейшая вереница людей. Ковыляли на костылях. Ползли в гипсах. Одного даже катили на инвалидной коляске. Никакие окрики и угрозы медсестры не действовали. Толпа неотступно следовала за ними. И только закрывшаяся дверь, наконец, останавливала преследователей. О том, что происходило внутри, тут же строились невероятные предположения на основании факта, что за то, из чего ходят в туалет, нужно же рукой держать.

— Эх! Братцы! Кто бы раньше подсказал, чего ломать-то нужно, — закатывал глаза, прижавшись ухом к двери, один из посетителей этого концерта. Но на Анжелу никакие намёки и расспросы не действовали. Открыв дверь и распугав толпу, она уходила к себе, как ни в чём не бывало. Разумеется, всё доставалось несчастному парню. — Ну, как? — бросались к нему со всех сторон, но ответа не получали. Оставалось ждать следующего раза. Теперь в

нашей палате полноценных ходячих было двое. У меня не действовала левая рука, у Кости — правая, но на двоих имелось, как раз две. Анжела, оценив этот факт, заставила нас три раза в день ходить в столовую за пищей. Мы выполняли это поручение охотно. Взяв бачок с едой, тащили его по коридорам и этажам. На этом долгом пути можно было настрелять курева, поискать земляков и вообще развлечься. Хотя эти развлечения иногда... Однажды, болтаясь по госпиталю, мы с Костей забрели на нервное отделение.

— Смотри! — вдруг, остановился он, как вкопанный. В коридор из освободившихся палат санитары выносили кровати. Странные какие-то кровати. С ремнями по бокам. Вероятно, чтобы привязывать лежащего на ней человека. У одной на металлической спинке отчётливо виднелся свежий отпечаток человеческой челюсти. — Это же, как мучить надо, чтобы железо так зубами прокусить? — присел я рядом. Пошли отсюда. Не нравится мне здесь, — Потащил меня за рукав Костя. Ещё через неделю мне сняли гипс. Левая рука оказалась в два раза тоньше правой.

— Были бы кости, а мясо нарастёт. И вообще, для мужчины руки не самое главное, — заржал, глядя на меня, толстый зав. отделением, похожий на нашего зам по тылу. Не успел я расстаться с гипсом, как меня осыпало всевозможными прелестями. Горячая вода! Такое счастье в полку выпадало только раз в неделю и то по капелькам. С Кости тоже сняли вертолёт, и мы теперь часами полоскались в душе. В палату приползли одуревшие от наслаждения. Жизнь действительно начинала походить на курортную. Единственной обязанностью было посещение процедур. Разведав, что в госпитале есть библиотека, я стал снабжать книгами весь этаж. Костя читать категорически не любил, но с вводом в строй второй руки, обнаружился его потрясающий талант. Усевшись у окна, он целый день лепил дембельские погоны. С фосфорными буквами и лычками они получались совершенно изумительными. Всеми исходными материалами снабжал его я, обнаружив к этому времени земляков в хозяйственной части госпиталя.

— Ты что? Спать собрался? — отложив на подоконник незаконченный погон, устался на меня Костя. — Поздно уже, — я разобрал кровать. — День-то, какой сегодня? Забыл? — подошёл он ко мне. — Ёлки-палки! — у меня ёкнуло сердце. — Приказ сегодня ночью. Деды мы с тобой теперь, Лёха! Что праздник необходимо отметить, сомнений не было. Но как? После долгих раздумий и споров решили всё-таки попробовать помириться с Анжелой. — Ну, если ты это берёшь на себя, тогда я спокоен, — многозначительно заулыбался мой друг. — Мы же договорились, — сердито оборвал я его.

Сестра сидела в коридоре за столом. Под пятном света от настольной лампы лежала раскрытая книга. — Про любовь? — присел я на стул напротив. Она удивлённо подняла глаза. — Если про настоящую, дай потом почитать, — Костя устроился рядом со мной. — Почему не спите? — лицо сестры стало строгим. — Анжела, ты с Украины? — мы старались не замечать напускной строгости. — А ты откуда знаешь? — По выговору. Очень мягко у тебя получается. Слушай! Хохлушки ведь добрые. Чего ты всё время злишься? — — А сам-то откуда? — если сразу не прогнала, то разговор можно было наладить. — Из Ленинграда. — Вот здорово! — глаза девушки потеплели.

Удивительное дело. Почему везде не любят москвичей? Почему так уважительно относятся к ленинградцам? Я долго думал над этим. В госпитале времени было достаточно. А ответ простой. Во всей огромной России нет города, деревни, посёлка, где бы люди не мечтали и не стремились в Москву. Но Москва не очень-то гостеприимна. Обосноваться здесь удаётся

немногим. Остальных она пережёвывает и выплёвывает обратно. Некоторых просто опускает на самое дно. И во всей необъятной стране только ленинградцам Москва не нужна. Да! У нас отвратительный климат. И город — северный. Но не нужна нам Москва. Нужно быть ненормальным, чтобы променять свой Питер на эту запалоханную столицу. Наверное, именно за это и уважают нас везде.

Я рассказывал о дворцах, каналах, мостах. Размахивая руками, долго описывал тишину белых ночей. Даже Костя притих, внимательно слушая. Наверное, забыл, зачем пришли. Мне несколько раз пришлось толкнуть его под столом ногой, пока он очнулся. — Анжела! Сегодня ведь приказ, — наконец пришёл в себя мой друг. — У вас у всех одно на уме. Вы уже пятые ко мне подходите, — попыталась она опять стать строгой, но ничего не получилось. Глаза были добрыми. — Представляешь! Пройдёт много лет, а приказ он ведь всегда помнится. Вот и тебя помнить будем, — не сбавляя оборотов, продолжали мы наступление.

— Ну, как? — за углом коридора встретили нас представители соседней палаты. — Во! — Костя, вытащив из кармана, с гордостью показал мензурку спирта. — А нам ничего не дала, зараза! — запрыгал на костыле представитель. — Никакая она не зараза. Нормальная девчонка. Ещё раз услышу, вторую ногу сломаю, — вдруг, обозлился Костя. Подтащив стулья к кровати грузина с подвешенной ногой, сидели до поздней ночи. Кацо управлялся сам. Двухпропеллерному вертолётчику Костя вливал стаканы в рот, а я запикивал туда же следом нехитрую закуску. В заключение банкета мой друг подарил каждому из нас по паре своих фирменных новеньких погон.